

ing social skin / Elisa-
- 224 p.
ter content analysis
ess, 1988. — 220 p.
smittel / Franz Ron-
Einführung / Otfried
— 381 S.

дакції 15.05.2013

ких исследований
ивный. Выделяют-
ные и посткласси-
статки и преиму-
дии целесообразно
одифицированном
едством политиче-

политики, социоло-

NTATION:

of representation in
tric, functional and
are distinguished,
empirical analysis of
point to media in a
a mean of political

ogy of mass commu-

УДК 316.77

Н. К. Иконникова

канд. соц. наук, доц., доц. кафедры общей социологии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
к. 436, Кочновский пр-д, 3, г. Москва, 125319, Россия
тел. +7 499 152 02 31, n.k.ikonnikova@gmail.com

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРЕДМЕТНОЙ СРЕДЕ ГОРОДА: ВЛАСТЬ И СОПРОТИВЛЕНИЕ

Статья освещает проблему отношений власти и сопротивления при конструировании предметной среды города и входящих в него домохозяйств. Проблема рассматривается с позиций теории репрезентации, когда материальные компоненты предметной среды выступают как объективации значений, вовлеченных во властные отношения доминирования, подчинения и сопротивления. Значимые для повседневных практик компоненты предметной среды воспроизводятся, игнорируются или трансформируются либо в рамках восприятия предписанного значения, либо в практиках сопротивления, которые могут включать не только прямое физическое противостояние, но и эмоциональное сопротивление. Поставленная проблема анализируется на основе данных многолетнего наблюдения трансформации городской среды Адлерского района г. Сочи в связи с подготовкой к зимним Олимпийским играм 2014 г.

Ключевые слова: репрезентации, власть, сопротивление, предметная среда, Олимпиада Сочи — 2014.

В данной статье анализируется понимание места видимых и овеществленных символических конструкций — репрезентаций — в социальных отношениях доминирования, подчинения и сопротивления, реифицируемых в предметной среде города.

Видимая предметная среда рассматривается нами как система объективированных смыслов социальных действий и в этом качестве как одно из средств коммуникации. Предметную (или вещьную) среду можно определить как комплекс взаимосвязанных «вещей», т. е. материальных объектов, имеющих сложноинтегрированные свойства утилитарных (функционально полезных) предметов, товаров и благ, символически упорядоченных и составляющих условие социальных действий индивидов и сообществ. Предметная среда выступает как практическая технология воплощения идейных принципов и идеалов, а также результатом идеологического производства. Она материально воплощает преимущественно нормативные идеологические требования и претензии власти структурировать как символическое, так и физическое пространство социальных взаимодействий. Роль политической и экономической власти оказывается определяющей, поскольку имеющий значение вклад в формирование предметной среды города зависит от градостроительных решений, возможностей инвестиций и

других ресурсов. Альтернативные, невластные, обыденные стратегии конструирования предметной среды в силу масштаба влияния и вовлеченных ресурсов хотя и объективируются в предметной среде многообразием форм, но не оказывают решающего воздействия на ее структуру. Тесная связь идейных принципов и ценностей с их техническим воплощением и материальной средой, использованием тех или иных вещей в повседневной жизни и конструированием производственной среды представлялась совершенно очевидной для пропаганды советского периода, была предметом социально ориентированных исследований (в области социологии, архитектуры, искусствознания и др.). В современных работах эта идея реинтерпретируется с позиций иных аксиоматических и методологических предпосылок.

Предметная среда как средство коммуникации

Коммуникация, стремясь быть эффективной, то есть минимальными средствами (в том числе и материальными, физическими) выразить максимально большое содержание и к тому же с учетом ограничений любых каналов коммуникации передавать сообщения с максимальной плотностью, неизбежно порождает насыщенную символическую среду. Сфера коммуникаций на всех уровнях, от массовой и корпоративной коммуникации до межличностной и внутрисемейной, включена в сложившиеся властные и экономические отношения присвоения ресурсов, выгод и доминирования [1]. Причем эти отношения отличаются институализированностью и в значительной мере принудительны. Наряду с новыми технологическими средствами в социальные коммуникации вовлекаются и более чем традиционные действия с использованием объективированных объектов предметной среды. Их функционирование приобретает дополнительные символические черты, наряду с утилитарным значением любой предмет рассматривается участниками социальных взаимодействий в категориях идентификационных, престижных, стилевых и подобных символических значений, которые иногда кажутся важнее, чем собственно полезные свойства предмета. Ощущаемая и видимая среда является по-прежнему, таким образом, важным средством предъявления сообщений и источником интерпретаций. В любой, в том числе и современной, культуре видимая окружающая людей вещная среда подчинена сложным ценностным требованиям, системе кодов, связанных с социальной организацией и условиями воспроизводства сообщества. Сегодня требования «дизайна», эстетичности зачастую существенно трансформируют функциональность среды, будь то собственно вещи и инструменты деятельности или те ее фрагменты, которые маркируются как «природные», а сами эти требования тесно связаны с принципами социальной организации и политикой репрезентации. «Эстетика в ее современном значении не имеет больше ничего общего с категориями прекрасного и безобразного...», отсылая к стоимости/ знаку. «Смерть к ним приходит вместе с системой функциональной эстетики... [Э]стетика — это уже не ценность стиля или содержания, отныне она отсылает лишь к коммуникации и к обмену / знаку» [2: 210].

Конструирование заданных не складываются зонных объектов — условиях группы продолжать жизни минирующей со смыслом, в ориентаций. Тем заброшенным и, жениях и пространстве организации и эстетические нормы пространства, котных социальных: тальной реконструкции. Выводы Эдensora основано на испол

Визуальные реализуемый с психологий, проникаю и специализированные внешние проявления организации, меняются посредники задают взгляд на изображение, скоограничивающее отражают сложностические особенностенции их разрабо

Политика репрезентации

Значимыми роли средств коммуникации в современном и «visuality», кот и «зримость» (для в контексте русскленно). И в том и ская и психологическая конструируется ревидеть, как нам и переживаем (see) «режим видения»

стратегии кон- и вовлеченных образом форм, 1. Тесная связь нием и матери- дневной жизни ась совершенно етом социально хитектуры, ис- терпретируется дпосылок.

минимальными ыражать макси- ений любых ка- ой плотностью, . Сфера комму- ммуникации до еся властные и доминирования зностью и в зна- гическими сред- чем традицион- тов предметной е символические рассматривается дентификацион- значений, кото- йства предмета. им образом, важ- интерпретаций. ыкружающая лю- ваниям, системе им воспроизвод- сти зачастую су- дь то собственно которые марки- язаны с принци- и. «Эстетика в ее категориями пре- 1. «Смерть к ним [Э]стетика — это ает лишь к ком-

Конструирование среды и ее смыслов не всегда осуществляется в рамках заданных норм и предписанных значений. В ландшафте поселений складываются зоны, где нормы нарушены самим бытованием материальных объектов — эти объекты еще не построены или разрушаются. В этих условиях группы и сообщества, осваивающие эти зоны или вынужденные продолжать жить в них, вырабатывают собственные, альтернативные доминирующей социальной организации смыслы, выявляя границы и двусмысленности, возможности трансформации системы норм и ценностных ориентаций. Тим Эденсор исследовал такого рода зоны в своем проекте по заброшенным индустриальным объектам. Он показал, что в этих сооружениях и пространствах продуцируются особые принципы норм активной организации и сенсорного восприятия материальной среды, в том числе эстетические нормы, отличающиеся от организованных и «гигиеничных» пространств, которых осуществляется большая часть институализированных социальных практик. В какой-то мере это сопоставимо с зонами капитальной реконструкции и строительства, о чем мы будем говорить ниже. Выводы Эденсора нам тем более интересны, что его исследование также основано на использовании визуальных методов, фотографирования [3].

Визуальные репрезентации — не единственный, но действенный способ, реализуемый с помощью различных и так же все усложняющихся технологий, проникающих («впитывающихся») в любые аспекты повседневной и специализированной деятельности. Их диффузия затрагивает не только внешние проявления взаимодействий, но и проникают в глубь социальной организации, меняя ее существенные характеристики. Визуализации являются посредниками в социальных отношениях и тем самым постоянно задают взгляд на мир, опосредуя его. Однако любой образ — это не столько изображение, сколько искажение и замещение реальности, специфическое ограничивающее «окно» или «зеркало», рамки и искривления которого отражают сложное взаимодействие их конструктора, смотрящего и технические особенности визуальной технологии, косвенно воплощающие интенции их разработчиков.

Политика репрезентации: доминирование и сопротивление

Значимыми концептуальными результатами дискуссий об изменении роли средств коммуникации и тенденции преобладания аудиовизуальных средств в современной культуре следует признать понятия «scopic regime» и «visuality», которые можно перевести как «режим видения (созерцания)» и «зримость» (для второго понятия используют перевод «видимость», но в контексте русского языка он часто звучит излишне негативно двусмысленно). И в том и в другом случае подразумевается не просто физиологическая и психологическая способность видеть нечто, а то, как нечто видимое конструируется различными способами, «как мы видим, как мы способны видеть, как нам позволено видеть, как нас заставляют видеть и как мы переживаем (see) видимое и невидимое в этом отношении» [4]. Понятие «режим видения» также акцентирует положение, согласно которому то,

что мы видим и как мы видим, является социальной и культурной конструкцией.

Режим видения обеспечивается политикой репрезентации. Репрезентации являются инструментом политики и/или участия, они служат приписыванию значения (meaning) группам и их социальным практикам, событиям или условиям и объектам социальной и природной среды [5; 6; 7]. В контексте критического подхода к анализу зримых репрезентаций социальных отношений всегда следует в духе С. Холла и его последователей ставить вопрос: «Кому выгодно?». Репрезентация для Холла — это средство или канал, с помощью которого осуществляется производство значений. Объекты и люди не имеют постоянных или «подлинных» значений, но участвуют в борьбе за власть, которая и позволяет членам культуры придавать вещам смысл или приписывать чему-то значение (signify). Репрезентация обеспечивает и производство, и материализацию (реификацию) значений, опираясь на язык и систему производства знаний [8].

Это возвращает нас к политэкономической риторике Ж. Бодрийера и его стремлению анализировать вещи как знаки и знаки как вещи, имеющие ценность не только как свидетельство духовных достижений, но и как экономические блага: «предметы, их синтаксис и их риторика отсылают к определенным социальным целям и социальной логике. Поэтому они говорят не столько об их пользователе и технических практиках, сколько о социальных претензиях и покорности, социальной мобильности и инертности, о привыкании к новой культуре и погруженности в старую, о стратификации и социальной классификации» [2: 20]. Смыслы социальных позиций, действий, присваиваемые социальными агентами и составляющие их социальное существование, должны быть, с одной стороны, символически коммуницируемы, а с другой — материализованы, зримы (что во многих случаях предпочтительнее использования иных — тактильных, звуковых и пр. проводников, т.к. позволяет вступать в символическое взаимодействие дистантно). Ю. Хабермас, в свою очередь, подчеркивает, что усилиями властимущих сегодня «устанавливается идеология в форме так называемой культуры потребления, выполняющая, на более глубоком уровне сознания, свои старые функции, а именно принуждение к согласию с существующими обстоятельствами» [9].

Подобного рода представление о тенденциях трансформации социальных практик в различных институциональных сферах разделяют и другие авторы. Размышляя о соотношении видимых трансформаций повседневной среды и необходимости учитывать не только все более ускользающую «вещественность» среды, но и репрезентации вещей, в том числе как обязательно политически ангажированные, — исследователи предлагают смещать фокус анализа так, чтобы именно видимая знаковая среда выступала предметом исследования, независимо от того, какого рода объекты эти знаки замещают. Пол Вирилио предложил термин не «зеленой», а «серой экологии», что означает невозможность разделить природу и искусственную среду и требование рассматривать экологические проблемы в контексте процессов урбанизации, традиций, культурных артефактов. Это экология

«архипелагов гор» [10]. Род Гиблет ющая активност торная политиче активности мест жающей среде, п и трансформиров

Таким образо ориентациях, обл шафта поселений циальной комму невных взаимодей ландшафт, домо декодирование п формационно и органов, социаль жет осуществлят с использованием

Далее мы рас декодирования д автономного рай трансформации года.

Анализ визу в сопротивл видения

Анализируем сотрудников пр следования тран ра, в связи с под по настоящее вр для анализа фот и тематические лями по задани полученных виз луструктуриров проведено 2 фок Большого Сочи,

Джон Колли воспроизводит т сфокусирован и муникации, соо ным действиям данных фотогра

культурной кон-
 ции. Репрезента-
 они служат при-
 м практикам, со-
 ой среды [5; 6; 7].
 репрезентаций со-
 го последователей
 (олла — это сред-
 оизводство значе-
 нных» значений,
 членам культуры
 ние (signify). Ре-
 зацию (реифика-
 а знаний [8].

Ж. Бодрийяра и
 как вещи, имею-
 гижений, но и как
 историка отсылают
 ике. Поэтому они
 рактиках, сколько
 ильности и инерт-
 а в старую, о стра-
 ыслы социальных
 гами и составляю-
 ной стороны, сим-
 ованы, зримы (что
 ых — тактильных,
 в символическое
 едь, подчеркивает,
 идеология в форме
 на более глубоком
 ждение к согласию

формации социаль-
 азделяют и другие
 рмаций повседнев-
 лее ускользающую
 том числе как обя-
 ли предлагают сме-
 ая среда выступала
 да объекты эти зна-
 ной», а «серой эко-
 у и искусственную
 блемы в контексте
 ктов. Это экология

«архипелагов городов», интеллектуально насыщенных и взаимосвязанных [10]. Род Гиблет предлагает понятия «политическая экология» (описывающая активность политической и экономической элиты) и «партиципаторная политическая экология». Последнее понятие вводится для анализа активности местных сообществ, публичной сферы по отношению к окружающей среде, природозащитным проектам, осуществляемым в освоенных и трансформированных ландшафтах [11].

Таким образом, репрезентации представлений о базовых ценностных ориентациях, объективированные в предметах материальной среды, ландшафта поселений, дизайне домовладения, являются важным средством социальной коммуникации. Они демонстрируют то, как участники повседневных взаимодействий, населяющие и создающие материальную среду, ландшафт, домовладение, в процессе повседневной жизни осуществляют декодирование политической экологии и политики режима видения, информационно и идеологически нагруженных сообщений СМИ, властных органов, социальной и коммерческой рекламы и пр. Это декодирование может осуществляться как в рамках диктуемого доминантного смысла, так и с использованием тактик сопротивления, оппозиционного декодирования.

Далее мы рассмотрим, какие тактики сопротивления, оппозиционного декодирования демонстрируют жители Адлера — одного из относительно автономного районов Большого Сочи. Этот район подвергается наибольшей трансформации в связи с подготовкой к зимним Олимпийским играм 2014 года.

Анализ визуальных данных: повседневная предметная среда в сопротивлении политической экологии и политике режима видения

Анализируемые данные представляют собой фотоматериалы автора и сотрудников проекта, полученные под руководством автора в рамках исследования трансформации материальной среды Сочи и, в частности, Адлера, в связи с подготовкой к зимним Олимпийским играм 2014 г. (с 2010 г. по настоящее время) при поддержке РФФИ. Собрано N=1752 пригодных для анализа фотографий, сгруппированных в пространственно-временные и тематические кластеры, в т.ч. фотографии, сделанные местными жителями по заданию автора (метод Photo Voices, N=57). Для интерпретации полученных визуальных данных используются неструктурированные и полуструктурированные интервью, N=17, в этих же целях в 2012 году было проведено 2 фокус-группы в г. Сочи (участники — жители разных районов Большого Сочи, включая Адлер).

Джон Коллиер в свое время писал, что «фотография наиболее точно воспроизводит материальную реальность» [12]. Поскольку наш проект сфокусирован именно на анализе материальной среды как средства коммуникации, сообщающего о смыслах, которые придают своим обыденным действиям местные жители, то выбран метод сбора эмпирических данных фотографирование. Из существующих подходов к использова-

нию фотографий в социологическом исследовании мы применили фотодокументирование, когда фотографии служат получению насыщенных данных, восполняющих возможные недостатки словесного или числового описания (см. описание специфики сбора и использования фотографий в социологическом исследовании при таком подходе в работах: [13], [14]). Фотографии собираются в соответствии с поставленными исследовательскими вопросами, на основе каталогизации и первичной интерпретации ставятся уточняющие исследовательские вопросы. В какой-то мере фотографии послужили и стимулирующим материалом для интервью, однако не столько сами фотографии (мы использовали метод предъявления сделанных нами и представителями местного сообщества фотографий только на фокус-группах), сколько ситуация фотографирования: человек с фотоаппаратом привлекает внимание, мы объясняли, что и зачем снимаем, в ряде случаев это вовлекало интересующихся жителей в интервью. Анализ фотоданных в нашем проекте, используя классификацию П. Штомпки, можно охарактеризовать как структурную интерпретацию: «предполагается, что наблюдаемые (и фиксируемые на снимке) социальные ситуации, явления, события не случайны и хаотичны, а представляют собой эманацию определенных глубоких, скрытых от непосредственного наблюдения общественных структур» [15].

Сопротивление выражается в особенностях реакции местных жителей на меры властей, предпринимаемые в связи с подготовкой к Олимпийским играм в Сочи, которые представляют собой видимо и наглядно стратегии политической экологии — формирования экологии, ландшафта города в соответствии с идеологическими и эстетическими представлениями политической и включенной в нее бизнес-элиты. Адлер и многие другие части Большого Сочи не были и сейчас не являются городом с точки зрения застройки домовладений, характера занятости и образа жизни жителей. Рассматриваемое социокультурное пространство и природный ландшафт всегда были связаны с социальными практиками, характерными для курорта (практики представляющих разнообразные услуги и практики отдыхающих), в первую очередь, летнего, а последние годы и зимнего отдыха, а также частного товарного сельскохозяйственного производства. Таким образом, глубинные смысловые конфликты могут быть интерпретированы как слом привычного восприятия пространства жизнедеятельности в терминах зеленой экологии и навязывание модели серой экологии, когда природные объекты теряют свою «первозданность», «нетронутость» и воспроизводятся в рамках индустриальных и урбанизированных пространств: «Ни одного сквера, ни одного парка не заложили. Все выпиливается. Там стоит огромный супермаркет. Если бы вместо листьев на деревьях росли доллары, Сочи был бы какой зеленый. Имеритинка раньше: 500 м от трассы — и тишина. Как в высокогорье. Тебя слышно на 50 метров. Такая тишина. Но птицы, уточки. Птиц было видимо-невидимо. До 3 тыс. на кв. км. Редчайшие птицы... А им плевать на это на все. Это нелюди. То, что происходит — это оккупация побережья. Ради чего?» (интервью, мужчина, 72 года, житель пос. Веселое, 2012 г.).

Визуальные дан рирование городск вались территории ры), заложены и ч: домов, в которых б зоны благоустройс тура, объявлены о в «зону междунар переселения жител большинстве случ: ных и обслуживан нового строительст кварталы предст: здания официальн (используются как районов характере там присутствуют дукцию в товарны: при компенсации (наносит им существ

Собственно наиф водимые админист тельных проектов момент связаны с : народного гостепр: жимом безопаснос ваниями к содерж включая реконстр дизайном крыш до шей части форми: разом властными : призванный демон цветения и стабил заборы должны бы жено за счет сами: построен пока тол Поляны, причем о землеотводе трасс

Позиции жител ветствии с новыми ресурсы. Можно с сан в 2010 г. с жи снос, причем в то: около 40 лет, все перспективой орга цвета скажут кры

именили фото-
ю насыщенных
или числового
я фотографий в
тах: [13], [14]).
исследователь-
интерпретации
ой-то мере фото-
тервью, однако
едъявления сде-
ографий только
человек с фото-
ачем снимаем, в
тервью. Анализ
ю П. Штомпки,
ю: «предполага-
льные ситуации,
ют собой эмана-
ного наблюдения

местных жителей
к Олимпийским
глядно стратегии
дшафта города в
влениями поли-
гие другие части
с точки зрения
жизни жителей.
одный ландшафт
терными для ку-
и практики отды-
зимнего отдыха,
изводства. Таким
интерпретирова-
недеятельности в
і экологии, когда
ронутость» и вос-
ных пространств:
ыпиливается. Там
на деревьях рос-
раньше: 500 м от
50 метров. Такая
). До 3 тыс. на кв.
о нелюди. То, что
интервью, мужчи-

Визуальные данные позволяют сделать вывод, что в основном реструктурирование городского и природного ландшафта уже произошло: сформировались территории олимпийских объектов (прибрежный и горный кластеры), заложены и частично построены корпуса гостиниц, многоквартирных домов, в которых будут размещаться во время игр спортсмены и персонал, зоны благоустройства (парки, торговые центры) и дорожная инфраструктура, объявлены общественные и жилые территории города, попадающие в «зону международного гостеприимства», сформировались поселки для переселения жителей, чьи дома сносятся в ходе строительства. Однако в большинстве случаев соприкосновения олимпийских объектов (спортивных и обслуживающих) с жилыми кварталами, окончательные границы нового строительства и сноса жилых кварталов не определены. Эти жилые кварталы представляют собой малоэтажную частную застройку, многие здания официально и не вполне официально имеют коммерческое значение (используются как гостиницы и гостевые дома). Для ряда улиц и микрорайонов характерен усадебный тип застройки, наряду с жилыми домами там присутствуют огороды, сады, позволяющие производить сельхозпродукцию в товарных количествах. Таким образом, переселение людей даже при компенсации балансовой стоимости жилья (что не всегда имеет место) наносит им существенный экономический ущерб.

Собственно наиболее чувствительные для населения мероприятия, проводимые администрацией города и организациями-исполнителями строительных проектов в связи с подготовкой к Играм Сочи-2014, в настоящий момент связаны с выделением части территории Адлера как «зоны международного гостеприимства», в перспективе, во время Игр — с особым режимом безопасности, доступа, а на этапе подготовки — с особыми требованиями к содержанию домовладения и прилегающих территорий улиц, включая реконструкцию и изменение цвета на заданный общим единым дизайном крыш домов, фасадов зданий, заборов (а вид улиц Адлера в большей части формируется именно заборами частных владений). Таким образом властными решениями формируется определенный режим видения, призванный демонстрировать образ благополучия, благоустроенности, процветания и стабильности. Жителям озвучено решение, что все крыши и заборы должны быть красно-коричневого цвета, причем делать это предложено за счет самих жителей. В счет бюджета олимпийского строительства построен пока только многокилометровый забор от аэропорта до Красной Поляны, причем он стоит не на частной земле домовладений, а вне их, на землеотводе трассы.

Позиции жителей по вопросу реконструкции их домов и заборов в соответствии с новыми требованиями отражают их социально-экономические ресурсы. Можно сравнить несколько фрагментов интервью. Первый записан в 2010 г. с жителем Голубой улицы, полностью предназначенной под снос, причем в том ее квартале, где средний возраст домовладельцев был около 40 лет, все дома активно достраивались, были благоустроенными с перспективой организации гостевых домов и частных гостиниц: «Какого цвета скажут крышу или забор там — так и сделаем, и тротуар замостим,

если хотят, все сделаем — лишь бы не трогали...» (интервью, мужчина, 38 лет, ул. Голубая, 2010 г.). Другой рассказ: «Ну вот мой товарищ переселялся. Сказал, если его дом тронут — с ружьем выйдет. Ему заплатили, дали дом двухэтажный. Но надо было многое заменить. Окна, крышу. Всем надо было крыши менять. И что, спрашиваю, ты с ружьем не вышел? Он говорит, так меня же условия устроили, если бы нет, то вышел бы. Он доволен. Но понимает, что все это преступление. Но не переживает, он умнее меня» (интервью, мужчина, 72 года, житель пос. Веселое, 2012 г.).

Второй важный сегодня блок требований «властей» — это ограничения на изменение состава и внешнего вида построек и участка в целом в поселках и микрорайонах, куда переселяли жителей, чьи земли были изъяты под олимпийское строительство (как объектов, так и дорожной и прочей инфраструктуры). Это часть уже указанной стратегии формирования определенного режима видения в рамках определенной политической экологии.

За 2012 год можно было наблюдать активные процессы трансформации, «оживания» поселков переселенцами в соответствии с их представлениями о подобающем образе жизни и порядке домохозяйства: в первую очередь, появились навесы перед домами и вынесенные в фасадную зону домовладения диваны, обеденные столы, кресла. Отчасти это дань климатическим условиям, но имеет и дополнительный важный социальный смысл. Если глава семьи и его домочадцы обеспечены, не вынуждены трудиться «денно и ночью», то они могут проводить здесь время в праздности, демонстрируя свой высокий социальный статус. Домодерновые ценности здесь смыкаются с постмодерновым культом праздности, досуга как символов социального статуса. Кроме того, данью сложившемуся образу жизни являются навесы — над «диванной зоной», для парковки машины, многочисленные сараи, летние кухни и прочие надворные постройки, характерные для данной местности.

Третий блок требований затрагивает значительную часть жителей и приезжих отдыхающих и связан с изменениями режима использования общественных территорий — парков, пешеходных зон и, конечно, пляжей. Это особенно заметно в Имеретинке: закрыт парк Южные культуры, загорожено и официально закрыто для доступа все побережье от устья Мзымты до «Совхоза Россия». Использование населением привычных прибрежных зон отдыха в соответствии с разделяемыми обычными представлениями о праве на эти территории происходит вопреки фактическому запрету и отчуждению этих территорий. Люди — и местные жители, и отдыхающие, и приезжие строители — пробираются на закрытые пляжи, продолжают ловить рыбу на косе в устье Мзымты, минуя, зачастую вброд по руслу, КПП и заборы.

Проблемы первых лет строительства — шум забиваемых свай, облака пыли от мощных грузовиков, перемещающихся по грунтовым дорогам — остались, хотя их масштаб стал несколько меньше и они стали отчасти привычны. «Я живу в Нижнеимеретинской низменности. Постоянная пыль. Многих это не устраивает, моих соседей, знакомых, родителей. Но я

все равно люблю э Сформировался не городки из бытовщкая в межсезоньдыхающих строит домах рабочих. Тся проявлением е связанной с попы В ряде случаев м свои жилищные ; локальной инфра вода, и мусоропрс ка, и дите...» (ин чание: к 2012 г. е не переселили, их жилых домов не с строителей, поста

Иногда жител ции политически последовательнос сейчас так повер что — нам здесь сами по себе... В низменности. — после Олимпиадь еще и передумаю 2010 г.).

Есть случаи, ваны с позиций результативны. ливневки (канал илом, все огород их красить, если спечивающая от ляется!» (интерв были очищены о компрессорной с ствие от того, ка придать городу с

Оппозиционн тые действия, н «В 2018 году Ол пос. Веселое, 20 что к 2014 году бы России дали

все равно люблю этот город» (стенограмма фокус-группы 1, Сочи, 2012 г.). Сформировался новый режим видения, в котором строительные объекты, городки из бытовок стали привычной частью ландшафта, как и замещающая в межсезонье на балконах и лоджиях полотенца и купальники отдыхающих строительная роба живущих в частных гостиницах и гостевых домах рабочих. Такая адаптация повседневных практик сочинцев является проявлением еще одной формы декодирования официальной политики, связанной с попытками извлечь выгоду из происходящих трансформаций. В ряде случаев можно наблюдать попытки улучшить за счет переселения свои жилищные условия или использовать ситуацию для реконструкции локальной инфраструктуры. «Да пусть бы уже нас выселили, в квартире и вода, и мусоропровод, и с коляской не по ухабам гулять. У нас вон бабушка, и дите...» (интервью, женщина, 27 лет, ул. Кленовая, 2010 г. Примечание: к 2012 г. эту семью, как и другие по четной стороне ул. Кленовой, не переселили, их дома не сносились, по нечетной стороне Кленовой улицы жилых домов не осталось, на нее выходит забор стройплощадки и бытовки строителей, поставленные в два этажа).

Иногда жители сомневаются в последовательности властей в реализации политических решений и готовы извлекать любую выгоду из этой непоследовательности: «Да-а, они сами часто не знают, что дальше будет, сейчас так повернулось, потом кто-то придет, по-другому решит. А мы что — нам здесь жить, нам зарабатывать надо. Власти сами по себе, мы сами по себе... Вот будет парк (Олимпийский парк в Нижнеимеретинской низменности. — Н. И.), будем дороже жилье сдавать. Говорят, здесь будет после Олимпиады коттеджный поселок — ну, тогда поторгнемся... Может, еще и передумают...» (интервью, мужчина, 63 года, Старохотничья ул., 2010 г.).

Есть случаи, когда обращения жителей были правильно сформулированы с позиций риторики подготовки города к Олимпиаде и оказались результативны. «Мы писали жалобы, у нас тут зона гостеприимства, а ливневки (каналы для стока паводковых и дождевых вод. — Н. И.) забиты илом, все огороды затапливает как дождь... Они говорят фасады — а чего их красить, если заливают, пусть сначала прочистят, и подстанция (обеспечивающая откачивание и очистку ливневых стоков. — Н. И.) не справляется!» (интервью, мужчина, 67 лет, пос. Веселое, 2012 г.). В результате были очищены от ила и грязи ливневые каналы, идет строительство новой компрессорной станции. В рассказе об этом звучали издевка и удовольствие от того, как удачно жители манипулируют стремлением «властей» придать городу определенный дизайн и «глянец».

Оппозиционное декодирование может воплощаться не только в открытые действия, но и выражается в символической трансформации и «присвоении» ситуации. Так в одном интервью прозвучала загадочная фраза: «В 2018 году Олимпиады не будет!» (интервью, мужчина, 72 года, житель пос. Веселое, 2012 г.). Ее автор ничего не перепутал, он искренне уверен, что к 2014 году объекты не будут готовы, оргкомитет попросит о том, чтобы России дали второй шанс провести Олимпиаду в 2018 году, но и тогда

от ее проведения откажутся. Такой исход он считает благом для региона, поскольку это позволит избежать окончательной экологической катастрофы в Имеретинской низменности и на Красной Поляне, а также проблем (и возможно жертв) при эксплуатации некачественно построенных спортивных арен. В этом контексте можно вновь провести сравнение с выводами исследования «индустриальных руин» Тимом Эденсором. Зоны строительства, как и зоны руин, выходят за рамки доминирующих культурных смыслов двумя способами: во-первых, задавая пространства, где могут воспроизводиться альтернативные, оппозиционные смыслы, и во-вторых, давая возможность конструировать среду и практики в ней, отличающиеся таким многообразием и многозначностью, которые нельзя встретить в недезорганизованном пространстве [3].

Общие выводы

Люди в повседневной жизни все больше выражают себя не в словах (которым все меньше доверяют), а в образах-репрезентациях, будь то дизайн жилища, собственного имиджа, фотографии, инстаграммы и надписи, в которых важно именно изображение, способ написания (точнее, рисования, как в случае граффити). Поэтому исследовательские методы должны ориентироваться на анализ этой видимой (и при этом овеществленной) части социальных практик, в значительной мере зависимых от ее материальных носителей, технологий и знаний. Привычное деление коммуникаций на вербальные (текстовые и паратекстовые) и невербальные смещается, поскольку логоцентризм уже не является единственной основой социальной нормы.

Открытые действия, жесты, предметы представляют социальные позиции и идентичности в наглядной форме «факта», естественно, скрывая латентные смыслы, но отнюдь не в большей мере, чем слова. Теоретические дискуссии о статусе видимых объектов в исследовательских практиках отражают различные оценки роли многообразных акторов и условий, вовлеченных в производство и восприятие видимого. Критический подход к конструированию видимой материальной среды учитывает роль создающих ее агентов, социальные практики и эффекты, порождаемые материальной средой, а также вовлекает в анализ присвоение среды различными участниками коммуникации, независимо (или вопреки) нормативного режима видения.

Предметная среда обладает значительной степенью инертности, это реифицированные значения, репрезентирующие социальные позиции и ресурсы не гибко, несмотря на все усилия их трансформации. Диффузия производимых в соответствии с определенными политическими решениями объектов материальной среды лишь отчасти зависит от придаваемого им смысла — придаваемого как их создателями, так и теми, кто осваивает, обживает эту предметную среду. Однако все большая зависимость от визуализации современных социокультурных процессов создает определенные зоны гибкости, свободы альтернативного, оппозиционного декодирования смыслов материальной среды. Как политика смещается в

сторону управления приобретают вид привычные материальные улицы, вид людей на ства интервью пока трех лет наблюдений и социального ландшафта олимпийского проецирующая территория и в отношений), а с другими дистанций между строительства и периферией.

Формирование предполагает мобилизацию экосистемно меняет экологическую среду, предоставляя ему новые ресурсы не только (полнители работ, жители, как следствия вовлечения ресурсов и тех, кто таких ресурсов мобилизует).

Предполагаемый игрок в значительной мере «сада», не имея экологическую партиципаторных практик для местных жителей, в которой структура городского сотрудничества раскрывает способности и умения организаторов политики властей. Формирование идей олимпийского идеологического

Список исполнителей

1. Иконникова Н.К. Социология культуры. Общество и культура.
2. Бодрийяр Ж. К критике символического обмена.
3. Edensor T. *Industriality: Representations of Working-Class Culture in Britain, 1895-1980*. 2005.
4. Vision and visibility.
5. Fairclough N. *Language and the City*.
6. Fairclough N. *Media and the City*.
7. van Dijk T. *Political Discourse Analysis: A Case Study*. Ch. (eds.) *Politics as Discourse*. John Benjamins Publishing Co., 2001.

ом для региона, еской катастро- также проблем троенных спор- нение с вывода- ом. Зоны строи- дих культурных а, где могут вос- во-вторых, да- , отличающиеся встретить в не-

не в словах (ко- , будь то дизайн и надписи, в ко- чнее, рисования, ды должны ори- ствленной) части ее материальных уникаций на вер- ается, поскольку альной нормы. оциальные пози- твенно, скрывая слова. Теоретиче- гельских практи- торов и условий, тический подход зает роль создаю- ждаемые матери- еды различными нормативного ре-

инертности, это ьные позиции и лации. Диффузия ческими решени- сит от придавае- так и теми, кто большая зависи- процессов создает , оппозиционного тика смещается в

сторону управления режимом видения, так и реакции на эту политику приобретают вид визуальных контрдействий, в которые вовлечены привычные материальные объекты, зримый порядок вещей, декор домов и улиц, вид людей на улицах и т. д. В целом фотоматериалы и свидетельства интервью показывают указанные тенденции в динамике. В течение трех лет наблюдения выявлено, что процессы трансформации природного и социального ландшафта характеризуются, с одной стороны, диффузией олимпийского проекта в социальном пространстве (вовлекается все большая территория и все большее количество людей, социальных практик и отношений), а с другой — сепарацией позиций, увеличением социальных дистанций между причастностью и непричастностью, выигравшими от строительства и проигравшими, олимпийским центром и «неолимпийской» периферией.

Формирование задаваемого олимпийским проектом режима видения предполагает мобилизацию значительных материальных ресурсов и существенно меняет экологию пространства, создавая новый ландшафт и приписывая ему новые значения. В рамках нашего проекта показано, что это ресурсы не только федерального бюджета и частных подрядчиков — исполнителей работ, но и ресурсы жителей и территории в целом. Местные жители, как следствие, разделяются на тех, кто имел необходимые для вовлечения ресурсы и имеет шанс увеличить свой социальный капитал, и тех, кто таких ресурсов не имел, испытывает нисходящую социальную мобильность.

Предполагаемый режим видения территории проведения Олимпийских игр в значительной мере ориентирован на создание привлекательного «фасада», не имея экономических и управленческих ресурсов для создания партисипаторных проектов, которые могли бы способствовать приемлемым для местных жителей и традиционных отдыхающих изменениям внутренней структуры города и отдельных домовладений. Случаи продуктивного сотрудничества расцениваются местными жителями как результат их ловкости и умения ориентироваться в ситуации, а не как часть действенной политики властей. Налицо различные оппозиционные практики декодирования идей олимпийского проекта, значительно снижающие его мобилизационный идеологический потенциал.

Список использованной литературы

1. Иконникова Н.К. Социальные средства коммуникации / Н.К. Иконникова // Личность. Культура. Общество. — 2008. — Т. 10. — Вып. 3-4 (42-43). — С. 284-293.
2. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр. — М., 2003.
3. Edensor T. Industrial ruins: space, aesthetics and modernity / T. Edensor. — Oxford: Berg, 2005.
4. Vision and visibility / H. Foster (ed.). Seattle, WA: Bay Press, 1988.
5. Fairclough N. Language and Power / N. Fairclough. London: Longman Group, 1989.
6. Fairclough N. Media Discourse / Fairclough N. London: Arnold, 1995.
7. van Dijk T. Political Discourse and Political Cognition / T. van Dijk // Chilton P., Schaffner Ch. (eds.) Politics as Text and Talk: Analytic Approaches to Political Discourse. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2002.